

Андрей Пионтковский

Русская «элита» на rendez-vous истории

I

Смена тысячелетия дала повод к многочисленным дискуссиям на тему «Россия на перекрестке истории». Впрочем, тема эта в России, как ни в какой другой стране, актуальна почти в любой момент отечественной истории, по крайней мере последних трех столетий. По существу, мы имеем дело с затянувшимся непрерывным «перекрестком», на котором вечный подросток Россия мучительно решает вопрос своей географической, исторической и метафизической самоидентификации – является ли Россия частью Европы или нет?

Этот подростковый комплекс притяжения и обиды, являющийся архетипом русского политического сознания, вновь проявил себя в последние годы в десятках публикаций нашего внешнеполитического сообщества по проблемам «Россия и НАТО», «Россия и Запад».

«Мы часть Европы, а нас вытесняют из Европы»; «Мы хотели бы стратегического партнерства с Западом, а нас отталкивают»; «Нашему порыву к миру и дружбе не поверили, нашу добрую волю восприняли как слабость» и т. д. – подобные пассажи в различных вариантах унылой прозы пересказывали основные мотивы классической поэмы, написанной более 80 лет назад.

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия...
А если нет – нам нечего терять
И нам доступно вероломство...
Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Практических рекомендаций «обернуться к Европе своею азиатской рожей» или чем-нибудь еще похуже было больше чем

достаточно – и стратегическое партнерство с Китаем, и «возвращение в войска тактического ядерного оружия», и предоставление «антиимпериалистическим режимам» технологий ядерного оружия и средств его доставки.

Сверхэмоциональная реакция российского политического класса на перспективу расширения НАТО, громкое, единодушное и бессмысленное «нет», раздающееся из Москвы, объясняются отнюдь не степенью тех или иных угроз безопасности России, действительных или мнимых.

Расширение НАТО на Восток, а точнее, бегство стран Восточной и Центральной Европы на Запад, затронуло глубинные пласты нашего политического сознания. Оно актуализировало никогда не прекращавшийся внутри нашей культуры спор о том, является ли Россия частью Европы, напомнив нам, что во многих аспектах нет, не является. И не потому, что нас кто-то выталкивает из Европы. А потому, что мы в силу определенных особенностей своей истории, географии, национальной психологии сами еще не решили для себя этот мучительный вопрос.

Ведь центральноевропейские Чаадаевы, Соловьевы, Ильины никогда не задавались вопросом, принадлежат ли их государства и этносы Европе. Ответ на него был для них самоочевиден. Неудивительно поэтому, что эти страны так стремятся воспользоваться предоставившейся им наконец возможностью закрепить свой геополитический выбор и зафиксировать свое членство в элитных европейских структурах, если не в ЕС, то в НАТО.

Это бегство не стало бы центральным событием политической жизни Европы, если бы движимая комплексом оставленного любовника российская политическая «элита» не развернула героическую борьбу с расширением НАТО. Разумеется, как всякий невротик, она прикрывала свои иррациональные комплексы псевдорациональным бредом о «сокращении подлётного времени натовских самолётов с ядерными зарядами на борту, взлетающих с польских аэродромов».

Польша, Чехия и Венгрия, разумеется, вступили в НАТО. Прошло два года. Польский президент приехал в Москву. Почему-то никто не говорил о подлётном времени. Напротив, хозяин Кремля с удовлетворением отметил, что российско-польские отношения, в которых были и взлёты и падения, последние два года неуклонно развиваются по нарастающей. Последние два года, между прочим, как раз после вступления Польши в НАТО. Что и не удивительно. Окончательно закрепив в собственных глазах свой европейский выбор, Польша смогла наконец избавиться от своего исторического российского комплекса.

Но история нас ничему не учит. Нам обязательно надо снова наступать на все старые грабли и раздирать на себе публично вновь и вновь все свои психологические язвы. Теперь мы еще более неукротимо боремся со вступлением в НАТО стран Прибалтики. Эта борьба, как всякий последний и решительный бой, приняла совершенно абсурдный мегаломаниакальный характер. Мы уже сами готовы вступить в НАТО, только для того чтобы своим могучим телом перекрыть путь туда дерзким балтийским лилипутам.

У нас в России этот явно затянувшийся спор о принадлежности к Европе продолжается с прежней остротой. Вопросы внутренней и внешней политики в нем неразделимы. Обсуждается ли судьба демократических институтов внутри страны или отношения России с внешним миром, и прежде всего с Западом, речь идет в обоих случаях об одном и том же – о фундаментальных ценностях российского общества. «Обернувшись своею азиатской рожей» к Западу, власть неизбежно сделает то же самое и по отношению к своему собственному народу.

Вековая борьба «западников» и «евразийцев», отягощенная на этот раз болезненным комплексом поражения в глобальной холодной войне с Западом, продолжается внутри русской культуры. С приходом к власти нового президента маятник, казалось, снова качнулся в сторону евразийства. Не следует полагать это его личной заслугой. Скорее приход к власти человека с такой биографией и ментальностью объективно отражал настроения, господствующие внутри российской «политической элиты».

Однако на этот раз евразийский взмах маятника может оказаться роковым. Фантомная конфронтация с Западом и курс на «стратегическое партнерство» и фактическую военную коалицию с Китаем приведут не только к маргинализации России, но и к подчинению ее стратегическим интересам Китая, а в перспективе и к потере контроля над Дальним Востоком и Сибирью сначала *de facto*, а затем и *de jure*.

Один из наших видных азиопов, влюбленный в эстетику СС и окормляющий своими советами высших сановников государства, с гордостью за отечественную историю заявил недавно в своем судьбоносном манифесте «Евразия *uber alles*»: «В 16-ом веке Москва приняла эстафету евразийского имперостроительства от татар».

Что ж, азиопы Московии старательно пронесли эту эстафету через миры и века. Но если они честные и последовательные азиопы и действительно полагают, что Евразия – *uber alles*, то они должны понимать, что эстафету имперостроительства не только принимают, но и передают, что пять веков – это вполне при-

личный срок и что в 21-м веке ее пора передавать исторически более перспективному имперостроителю – Срединной Империи. Что наиболее последовательные из них и хотели бы сделать.

Возбужденное состояние российской политической «элиты», жаждущей величия или на худой конец причастности к какому-нибудь желательному антиамериканскому величию, делала такой сценарий весьма вероятным. Я помню, как один из далеко не самых безнадежных «элитариев» запальчиво грозил своему американскому коллеге: «Вы еще встретите наши корабли под китайским флагом в Тайванском проливе».

Мало того, наша внешняя политика в первый год президентства Путина приобрела ярко выраженный антиамериканский характер. Создавалось впечатление, что основной целью нашей внешней политики было противодействие США по всем азимутам. Достаточно вспомнить нарочито оскорбительное заявление по торговле оружием с Ираном, демонстративное посещение Кубы, попытки создания антиамериканской коалиции с Китаем и Индией, муссирование заведомо лживой версии о столкновении «Курска» с американской подлодкой и т. п., не говоря уже об оголтелом тоне нашей внешнеполитической публицистики.

Естественной перспективой и кульминацией этого курса виделся отечественным евразийцам визит Цзян Цземиня в Москву с заключением судьбоносного Договора о стратегическом партнерстве. И визит состоялся, и договор был заключен, и слова там вписаны громкие и судьбоносные, и даже СУ-30 мы впервые согласились продавать КНР. Но что-то надломилось в едином евразийском порыве нашей «элиты». Ясно, что визит стал не столько апофеозом евразийского взмаха маятника, сколько началом его отката.

II

Видимо, какие-то вещи за последние год-два виртуальной конфронтации с Западом стали очевидны даже наиболее фанатичным азиопам и наиболее ушибленным антизападникам.

Во-первых, Китай – это кошка, которая гуляет сама по себе вот уже несколько тысячелетий, самодостаточная держава, никакими комплексами, в отличие от российской политической элиты, не страдающая, и ни в каком стратегическом партнерстве с Россией, тем более на антиамериканской основе, не нуждающаяся.

Если эти бледнолицые северные варвары, в свое время навязавшие Срединной Империи несправедливые договоры,

почему-то придают такое значение бумажонкам о стратегическом партнерстве и многополярности, то ради бесперебойных поставок самого современного оружия можно эти бумажки и подписать.

Но отношения с США – своим основным экономическим партнером и политическим соперником – для сверхдержавы 21 века КНР гораздо важнее, чем отношения с Россией, и, выстраивая их, китайцы будут руководствоваться чем угодно, но только не комплексами российских политиков.

Впрочем, и для России отношения с США, с большой семеркой, с Западом могут быть даже еще в большей степени важнее, чем отношения с Китаем. Вообще все российское евразийство исторически вторично, является функцией обиды на Запад и выполняет для российской «элиты» роль не более чем психологической прокладки в критические дни её отношений с Западом.

Все эти мотивы великолепно артикулированы в знаменитой блоковской поэме. Страстное объяснение в любви к Европе при малейшем сомнении во взаимности сменяется угрожающим «а если нет, нам нечего терять и нам доступно вероломство».

При чем тут Китай, Индия, Сербия, Куба или Северная Корея? Все это не более чем сиюминутные поводы, необходимые страдающей маниакально-депрессивным психозом российской элите для выяснения её отношений с вечно ненавидимым и вечно любимым Западом. Не к случайному собутыльнику, а к небесам Запада обращен экзистенциальный русский вопрос «А ты меня уважаешь?». Кто-то оттуда должен заглянуть нашей политической элите в душу и подивиться её самобытному богатству.

Китайцы, кстати, все это прекрасно понимают и поэтому относятся к российским спорадическим заигрываниям скептически и с неизбежной дозой снисходительного и высокомерного презрения. Можно, конечно, из тактических соображений некоторое время обозначать фальшивые привязанности, но занятие это довольно утомительное. Определенная усталость от неискренних объятий чувствовалась и во время визита, и особенно в последовавших за ним комментариях. Как всегда в России, многое зависит от позиции и настроения первого лица. Верховная власть, данная нам в её текущей инкарнации Господом Богом и Борисом Абрамовичем Березовским, является плотью от плоти своего класса и отдала, как уже отмечалось выше, дань всем его комплексам, фантазмам и предрассудкам.

Но, будучи скорей циничной, чем фанатичной, она не может позволить себе слишком далеко и слишком надолго уходить из мира очевидных реальностей. Ответ президента на вопрос о

возможном совместном противостоянии России и Китая планам США по развертыванию НПРО – каждый сам за себя в этом мире **бушующем** – прозвучал эпитафией российско-китайскому стратегическому союзу. Как любопытно заметил один из наших самых ярких евразийцев А. Проханов, «Владимир Путин очень сложный человек, может быть даже он вообще не человек».

Куда же ей плыть теперь – российской политической элите – во главе со своим президентом-прагматиком, который «может быть даже вообще не человек»?

«В Москву, в Москву, В Москву, этой же осенью непременно едем в Москву», – повторяли чеховские героини «Трех сестер».

«В Европу, в Европу, в Европу», – периодически спохватывается вдруг русское образованное общество», вволю наслушавшись, да и насочинявшись духоподъемных сказок об особом пути, о евразийской сущности, а в последнем новомодном исполнении – о самобытном леденящем холоде наших необъятных просторов.

Известные политики и политологи создали общественный комитет «Россия – Европа». Активную роль в нем играет Сергей Караганов, еще башмаков износить не успевший – тех, в которых почтительно таскал портфель с жезлом будущего министра иностранных дел за Евгением Примаковым, творцом мифов о многополярности и стратегическом треугольнике «Москва – Дели – Пекин».

Комитет предлагает провозгласить долгосрочной целью российской политики полную интеграцию с Европейским Союзом. Стремление предельно амбициозное, учитывая сегодняшнее состояние российской экономики, но и рациональное в то же время. В 21-м веке Россия может вернуться в суперлигу мировой политики (о чем так страстно мечтает ее политический класс) только в составе Dream Team большой Европы.

О намерениях своих коллег С. Караганов поведал городу и миру в опубликованной в “Financial Times” статье «Наведение мостов с Брюсселем». Там сказано много справедливого, с чем трудно не согласиться. Обращает на себя внимание, однако, один любопытный и показательный пассаж:

«Есть еще одна проблема. Коммунистический эксперимент отбросил Россию в области политической культуры на 50-100 лет назад, по сравнению с более благополучными странами Европы. Чтобы обеспечить внутреннее единство, Россия должна сосредоточиться на государственном строительстве. Многие европейцы склонны забывать, что еще совсем недавно они были вынуждены решать ту же задачу, причем более или менее сходными методами».

В переводе с карагановского хитроумного новояза это означает примерно следующее: пустите нас – российскую политическую элиту – в вашу сытую благополучную Европу, мы европейцы до мозга костей, наши детишки обучаются в Сорбоннах и Кембриджах, и мы уже не только любим лакомиться круассанами в кафе на Елисейских полях, но и приобрели кое-какую недвижимость на Лазурном берегу, покупайте наш газ, списывайте наши долги и вкладывайте Ваши деньги в нашу экономику, но не лезьте с Вашими дурацкими Советами Европы в нашу загадочную русскую душу, не мешайте нам перед каждым выборами бомбить собственные города, убивая десятки тысяч своих граждан, не мешайте нам вводить управляемую демократию, административную фаллическую вертикаль и держать в нищете подавляющее большинство собственного народа.

В этом послании коринфянам нет ничего нового. Вот уже триста лет российская «элита» разъезжает с ним по амстердамам, парижакам и карлсбаденам. Петру Романову очень понравились в Голландии чисто вымытые мостовые, четкий морской устав, современные верфи, любезные шоколадницы. Ему захотелось немедленно внедрить все эти замечательные новшества в России, но так, чтобы и головы, стрельцам продолжать рубить самолично, и после ассамблеи, кофию попив, в подвал спуститься царевича Алексея на дыбе попытаться на предмет несанкционированных контактов с европейцами.

Матушка Екатерина обожала с вольтерами переписываться, но новиковых и радищевых предпочитала держать в крепости.

Каждый русский государь приходил к европейской идее собственным путем. Владимир Владимирович Путин – наше Дважды Красное Солнышко, воссиявшее над Русской Землей на четвертой от окна кровати роддома в Снегиревке, – пришел к ней через немецкое пиво, ставшее своего рода футурошоком для немолодого уже офицера, впервые оказавшегося за рубежом. Самые проникновенные страницы его исповедальной прозы «Беседы с Путиным» посвящены дрезденскому периоду духовного созревания героя – мы узнали и сколько десятков килограммов он прибавил, и в каких емкостях переносил драгоценную стратегическую влагу в дрезденскую резидентуру КГБ.

Но, как и его предшественники – великие государи Петр и Екатерина, отдавая должное вершинам европейской материальной цивилизации, он не впал в ересь космополитического низкопоклонства, остался до глубины души русским правителем и продолжает обустривать Россию в традиционном духе соборности, духовности и госбезопасности, не чуждом, впрочем, и традициям немецкого Ordnung'a.

Да, хорошее немецкое пиво («Миллер», например) для всех, но в тоже время и управляемая демократия, просвещенный авторитаризм, информационная безопасность и административная вертикаль, на всех этажах которой удобно расселись государевы люди – аристократические выходцы из карательных либо на худой конец хозяйственных органов Санкт-Петербурга.

В Европу, в Европу, в Европу. В этом же столетии непременно вступим в Европейский Союз...

III

События 11 сентября резко ускорили процесс внешнеполитического взросления высшего российского руководства. В то же время практические задачи создания антитеррористической коалиции, вставшие перед американской дипломатией после 11 сентября, заставили её отказаться от многих заявленных в первые месяцы президентства Дж. Буша концептуальных постулатов. Выяснилось, что даже такая могущественная держава, как Соединенные Штаты, не может в одиночку обеспечить свою безопасность. Необходима кооперация с самыми разнообразными партнерами, с каждым из которых приходится выстраивать собственную систему договоренностей и компромиссов. Значение России как внешнеполитического партнера США оказалось существенно выше, чем это представлялось ещё несколько месяцев назад, особенно в контексте военной операции в Центральной Азии – регионе, в котором у России сохранились существенные возможности, влияние и связи. Тактически, во всяком случае, США оказались весьма заинтересованы в конструктивном военно-политическом сотрудничестве с Россией.

Президент В. Путин предоставил США максимально возможное практическое содействие в проведении их операции в Афганистане. И было бы странно, если бы он поступил иначе. Может быть впервые в российской истории так сложилось, что кто-то другой делает за нас грязную работу. Обычно происходило наоборот. Разве мы не заинтересованы в ликвидации террористического гнезда исламских радикалов в нашем южном предбрюшке? Разве мы не говорили сами более года назад о возможной бомбардировке лагерей террористов? И разве мы не отказались от этой затеи, осознав, что не способны её эффективно осуществить? Так зачем же мы должны вставлять палки в колёса тем, кто взялся за выполнение этой задачи?

Тем не менее, несмотря на очевидный прагматизм выбора президента, он был встречен глухим недовольством значительной части российской политической «элиты». Травма поражения

в холодной войне и утрата статуса сверхдержавы породили глубокий и неизжитый психологический комплекс в коллективном подсознании российского политического класса. Для него США остались смыслообразующим фантомным противником, в героическом противопоставлении которому выстраивались все мифы российской внешней политики.

Однако неизмеримо большая ответственность, традиционно лежащая в России на первом лице, не позволяла, видимо, ему слишком долго оставаться в фантомном мире комплексов и фантазмов, столь милых сердцу российского политического истеблишмента.

А в реальном мире есть серьёзная военная угроза сегодня на Юге, а завтра, возможно, ещё более серьёзная на Востоке. А кроме того, есть унаследованная от существовавшей в прошлом столетии сверхдержавы отсталая армия плохо вооружённых рекрутов, все боеспособные части которой скованы в одной мятежной провинции, а все доктринальные установки ориентированы на фантомную конфронтацию с тем же самым Западом.

Вот, видимо, в осознании этой геополитической реальности высшая власть продвигается значительно быстрее, чем большинство российского истеблишмента. Высшие сановники, известные политики и генералы сделали многое, чтобы скорректировать, размыть и попытаться превратить в свою противоположность выраженную президентом 11 сентября позицию – «Американцы, мы с Вами».

Одни и те же люди убеждают нас, что злонамеренные США, во-первых, при первых же трудностях уйдут из Центральной Азии, оставив нас одних разбираться с талибами, а во-вторых – они же навсегда останутся в этом регионе, вытесняя Россию из её традиционной сферы влияния. А кроме того, взрыв 11 сентября, во-первых, является актом справедливого возмездия со стороны обездоленного и оскорбленного человечества, а во-вторых – американцы сами себя взорвали, чтобы укрепить своё мировое господство и столкнуть Россию с исламским миром.

Более «просвещённая» часть элиты, не отрицая в принципе сделанного Москвой выбора в пользу антитеррористической коалиции, настойчиво ставит вопрос о «цене», которую Запад и прежде всего США должны за этот выбор заплатить России. Прилагаются соответствующие «прайс-листы», в основном повторяющие друг друга (ПРО, расширение НАТО, реструктуризация долгов и т. д.), проводятся семинары и симпозиумы на тему «До какой степени поддерживать Америку?».

Представляется, что такая формулировка вопроса изначально задаёт неверную систему координат, заведомо искажающую

перспективу нашего стратегического дискурса. Россия и её долгосрочные стратегические интересы должны быть в центре наших рассуждений. Новизна же ситуации, возникшей после 11 сентября, заключается для нас в гораздо большей заинтересованности Запада и прежде всего США в сотрудничестве, в том числе военном, с Россией. Поэтому правильно вопрос должен быть поставлен следующим образом: «До какой степени возможно вовлечь США в совместное с нами решение стратегических задач нашей безопасности?».

Удастся ли российской дипломатии использовать открывшееся окно возможностей для превращения тактической заинтересованности США в России в долгосрочное военно-стратегическое партнёрство? В этом контексте знаменательной представляется заключительная ремарка В. Путина в его заявлении от 24 сентября: «Мы готовы будем пойти и на более глубокие формы военного сотрудничества с США, если принципиально изменится характер отношений между нашими странами».

Принципиальным изменением характера наших отношений может стать только одно – взятие взаимных обязательств по защите безопасности граждан, территориальной целостности и нерушимости границ друг друга. Установление такого рода союзнических отношений должно стать центральной задачей российской дипломатии, в контексте которой только более очевидной становится вся мелочность и надуманность традиционных «прайс-листов».

Сегодня американские вооруженные силы активно участвуют в решении одной из задач обеспечения безопасности России. Эту абсолютно новую для России тенденцию любая разумная дипломатия должна стремиться только закреплять.

В очень непростом для России 21-ом веке нам нужны союзники совершенно иные, нежели те «традиционные», к которым так привык наш военно-политический истеблишмент. Не кунсткамера отживающих свой век диктаторов, единственная стратегическая ценность которых заключается в возможности для облепивших ВПК посредников набивать карманы на торговле с ними оружием.

Нам нужны в качестве союзников сильные демократические государства, готовые разделить с нами ответственность за совместную безопасность. Тогда, может быть, и в Европейский Союз мы будем готовы вступить на несколько десятилетий раньше.

* Замечанные опечатки исправлены